

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
(СОФ НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
В АВТОРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061152
Кодолбенко Кристины Леонидовны

Научный руководитель
д.фил.н., профессор
Семененко Н.Н.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Семантика времени в авторском художественном дискурсе.....	6
§1. Время как этнокультурное и лингвофилософское понятие	6
§2. Темпоральность как лингвистический феномен.....	14
§3. Особенности представления времени в языке и авторском дискурсе.....	20
Глава II. Лексические средства репрезентации художественного времени в творчестве А.С. Пушкина.....	30
§1. Типы времени в авторском художественном дискурсе А.С. Пушкина.....	30
§2. Система лексико-семантического представления темпоральности в прозе А.С. Пушкина (на примере повести «Метель»).....	40
Заключение	46
Список использованной литературы.....	51
Приложение	58

ВВЕДЕНИЕ

Индивидуальное видение мира проявляется в художественных текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох, сложившиеся стереотипы мышления и речевого поведения представителей разных социальных и профессиональных слоев, нравственно-этические и эстетические традиции и ценности. Классическое утверждение о том, что «обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности... отражает понимание "кусочка действительности" и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков» [Виноградов 1977: 163], с полным правом можно отнести к художественной литературе, в которой проявляется не только личность создателя текста, но и сущность ментальности и культуры конкретного народа.

Категория времени представляет собой одно из наиболее абстрактных понятий, составляющих суть человеческого бытия. С одной стороны, время относится к фундаментальным философским категориям, с другой стороны, представления о времени лежат в основе любой культуры, они относятся к базовым, архетипическим представлениям того или иного народа о мироздании. Если традиционная лингвистика в основном направляла свой интерес ко времени как грамматической категории, то современные лингвистические исследования требуют комплексного подхода, с учетом достижений культурологии, философии, психологии и других гуманитарных наук.

Важность нашего исследования определяется следующими факторами:

1. Сложностью самого понятия времени и его важностью в создании авторского художественного дискурса.

2. Неоднозначностью интерпретации и квалификации категории темпоральности в лингвистических исследованиях, что обуславливает поиски оснований для анализа средств выражения временной семантики в литературных произведениях.

В результате **актуальность** обусловлена неослабевающим интересом филологов к феномену времени в целом и специальным вниманием лингвистов к особенностям его отражения в конкретных текстотипах. Глубокого осмысления продолжает заслуживать проблема языковой репрезентации темпоральных параметров, релевантных для организации временного континуума художественного текста.

Объектом исследования является авторских художественный дискурс.

Предметом исследования стала семантика времени, репрезентированная с помощью лексических средств в авторском художественном дискурсе.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проанализировать специфику репрезентации времени с помощью темпоральной лексики в авторском художественном дискурсе.

Поставленная цель предполагает решение ряда основных **задач**:

- 1) определить сущность категории времени как лингвистического явления,
- 2) исследовать особенности репрезентации категории времени в авторском художественном дискурсе;
- 3) произвести описание специфики темпоральной лексики в авторском художественном дискурсе.

В исследовании были использованы следующие **методы**:

- 1) описательный метод, состоящий в наблюдении, обобщении, интерпретации и описании полученных данных;
- 2) метод контекстуального анализа;
- 3) прием сплошной выборки для получения корпуса лексем, репрезентирующих понятие времени.

Основными **источниками** сбора материала для исследования послужили прозаические произведения А.С. Пушкина: «Капитанская дочка» и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».

Теоретической базой исследования стали положения, разрабатываемые в трудах лингвистов, занимавшихся описанием языковых параметров категории темпоральности, реализуемой в текстах художественной литературы (Н.А. Потаенко, Д.А. Салимова, Е.В. Тарасова, В.А. Черванева, О.Г. Чупрына, Е.С. Яковлева).

Структура данной работы определена логикой исследования и включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы и приложение.

ГЛАВА I. СЕМАНТИКА ВРЕМЕНИ В АВТОРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

§ 1. Время как этнокультурное и лингвофилософское понятие

Сложность феномена времени и его проявлений в природе и социуме обуславливает многовекторность подходов к его изучению и появлению в естественных и гуманитарных науках «нефизических» понятий, таких как биологическое время, физиологическое время, геологическое время, психологическое время, социальное время, мифологическое время, художественное время. В целом, различные виды «нефизического» времени связаны с физическим временем и им могут быть в значительной степени объяснены. Однако если в естественных науках понятие времени связано с объективными изменениями состояния природных объектов и процессов; то в гуманитарных науках преимущественно реализуются субъективные представления о времени, внимание акцентируется на его качественных характеристиках.

Реально существующее время, время, которое человек ощущает как часть своей жизни, во всем богатстве своей семантики отражается в языке, субъективно преломляясь в сознании и речи человека. Лингвистическое время представляет собой языковую проекцию комплекса существующих у человечества знаний об этом феномене, от обыденных до научных. Оно выражает отношения между реальной действительностью, деятельностью человека и языком и участвует в трансформации объективного мира в субъективный конструкт (картину мира, модель мира), существующий в человеческом сознании [Катунин 2007: 12-13].

Как доказывают работы современных ученых, язык во всех единицах отражает культуру народа и особенности его мировосприятия

(Н.Ф. Алефиренко, Ю.Н. Караулов, М.М. Маковский, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская и др.), вместе с тем, существуют единицы, в большей мере отражающие не только универсальные, но и специфические характеристики материальной и духовной жизни народа. Эти единицы – источники культурно-национальной интерпретации действительности – в концентрированном виде несут страноведческую (этнокультурную) информацию, они соединены собирателями в сборники и составляют национальное достояние этноса.

С точки зрения лингвокультурологии, объяснение самобытности этнокультуры следует искать в словах, которыми фиксируются образы познаваемых предметов и явлений. Слово вырастает из действительности и несет в себе скрытую энергию. С помощью культурно маркированного слова как раз и задается та система координат, в которой живет человек, в которой формируется образ мира как основополагающий элемент этнокультуры [Алефиренко 2010: 21-22].

Картина мира, репрезентированная в фольклоре, является четко структурированной и строго организованной системой, представляет собой своеобразную семантическую сеть, узлами которой являются опорные полнозначные слова со всей их семантической информацией: существительные задают статическую модель мира определенного текста, глаголы характеризуют обобщенные отношения между «частями» этого мира, а прилагательные могут выступать в виде постоянных эпитетов.

Фольклорное слово не только обозначает явление, событие или понятие, но и формирует определенное аксиологическое наполнение. Оценочные коннотации в семантической структуре слова, обладающего значимостью в языке фольклорных произведений, может преобладать над номинативным и даже приводить к его нейтрализации. Но при этом в

произведениях фольклора мы видим свободное отношение к альтернативным, нередко взаимоисключающим трактовкам и концепциям, диаметрально противоположные оценки, проявляющиеся в парадоксальности описания и объяснения мира.

Мифологическое восприятие, как утверждают исследователи, является систематизацией элементов мира. Реалии внешнего мира никогда не воспринимаются нами изолированно, они объединены в определенные системы. «Воспринимать мир – это значит систематизировать входящие в него предметы, кодировать поступающую информацию» [Раевский 2006: 65]. Мифология, трактуемая как реализация ситуационного, а не строго логического способа кодирования фактов внешнего мира, предполагает построение наглядной ситуации, в которой подлежащие систематизации предметы или явления выступают в качестве взаимодействующих элементов. К основным из таких элементов необходимо отнести и понятие времени.

В рамках лингвофилософского подхода пространство и время рассматриваются как «атрибутивные характеристики бытия человека в культуре, универсалии культуры» [Забродина 2004: 7]. Оказывается, что подобно тому, как сами пространство и время образуют несущую конструкцию объяснительной картины мира, особенности восприятия данных категорий также формируют структурную систему - связь между такими культурными явлениями, как философия, религия, образование, эстетика, а также служат гносеологической посылкой в процессах приобретения знаний о пространстве и времени. В результате, с одной стороны, специфика восприятия названных категорий опосредует восприятие культурных явлений и отношение к ним. С другой стороны, мыслеобразы пространства и времени формируются под влиянием явлений культуры, то есть они обусловлены ценностным и семантическим

содержанием культуры, и, как следствие, сами «имеют смысловую наполненность и обладают определенной культурной степенью ценности» [Забродина 2004: 6].

В истории философии известны несколько подходов к трактовке категории времени. Отношение представляется возможным рассматривать как эволюцию: от абсолютных форм бытия, полностью автономных от помещенных в них явлений и систем, через «такие порядки, такие «внутренние меры» природно-социальных систем, которые задаются их взаимодействием и обусловлены их природой и характером, к единому «пространству - времени», задающему многомерные метрики бытия и тем самым интерпретирующему время всего лишь как одну из координат многомерного пространственно-временного континуума» [Философский энциклопедический словарь 2001: 77].

Одним из ключевых элементов архаической картины мира выступает космологическая или циклическая модель восприятия времени, противопоставляемая исторической или линейной модели. По мнению Б. А. Успенского, в основе данных типов осмысления времени лежит различное отношение к прошлому, настоящему и будущему. Так, более древняя циклическая модель строится на соотношении некоего явления с «первоначальным, исходным состоянием, которое как бы никогда не исчезает - в том смысле, что его эманация продолжает ощущаться во всякое время» [Успенский 1989: 18]. Данное исходное состояние отождествляется с начальным временем или правременем, содержащим первопричины всех последующих действий, а также образцы и модели социального поведения в настоящем. Следовательно, поскольку циклическое время предполагает постоянное воспроизведение актов первотворения, прошлое, в сущности, является единственно возможным, так как настоящее, копирующее уже

известные действия и события прошлого, фактически сливается с ним. «При таком подходе факты прошлого рассматриваются как вечно длящиеся и обладающие реальностью, и даже большей, чем факты настоящего» [Черванева, Артёменко 2004: 98]. Высокая значимость прошлого в рамках архаической модели предопределяет и отношение к будущему как уже существующему, однако, ещё не достигнутому, находящемуся пока в недоступном для человека месте.

Современное же - более абстрактное - восприятие времени заключено в линейной модели, строящейся на основе причинно-следственных отношений между событиями. При этом каждое последующее явление или состояние есть прямое следствие предыдущего, но, в отличие от циклического времени, отсутствует первоначальное событие, то есть немедленной отсылки к акту первотворения здесь не предполагается. Благодаря этому становится возможным установить хронологию событий, а настоящее обладает большей значимостью, чем прошлое. Что касается будущего, то оно как таковое не существует, а когда наступит, оно также будет настоящим.

Идеи М.М. Бахтина о неразрывной связи пространства и времени получили развитие в трудах И.Р. Гальперина, который предложил использовать термин «пространственно-временной континуум» в лингвистике текста (понятие «хронотоп» преимущественно используется в литературоведении). Континуум, который представляет собой специфическое художественное осмысление времени и пространства объективной действительности, выделяется им в особую категорию текста, что объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, «категория континуума связана с отображением в тексте нерасчлененного потока движения во времени и пространстве, которое заключается в определенной последовательности фактов, событий, развертывающихся во времени и

пространстве, при этом процесс подобного развертывания протекает не одинаково в различных типах текстов» [Гальперин 2005: 16]. Во-вторых, эта категория имеет текстовую природу, так как воплощается в целостном тексте. Особенности изображения течения времени в изменяющемся пространстве выявляются лишь в рамках более крупного отрезка текста, чем предложение, поскольку только благодаря развитию сюжета представляется возможным наблюдать сплав связности, линейности и прерывности (там же). Пространственно-временной континуум выступает, таким образом, как «средство формирования и сообщения наиболее значимых компонентов художественного замысла» [Гальперин 2005: 19]. В целом, категория континуума играет важную роль в организации содержания текста и в отображении знаний автора об устройстве мира.

Дальнейшие углубленные исследования пространственно-временного континуума текста позволили ученым сделать ряд любопытных наблюдений и выводов относительно специфики языковой репрезентации названной категории в целом и пространства и времени по отдельности. В частности, отмечается, что временные и пространственные лексические единицы выступают как «маркеры концептуально значимой информации текста, что позволяет им стать в тексте своего рода субстратом смысла» [Салимова, Данилова 2009: 5]. Кроме того, пространство и время являются моделируемыми категориями, при этом соответственные модели отражают прототипические представления, которые закреплены в языке.

Данное утверждение представляется особенно важным, поскольку, согласно последним достижениям лингвистической науки, концепция пространства усложняется: различные способы интерпретации пространства в текстах (с помощью тропов, метафоризации и др.) позволяют выявить новые грани в пространственных отношениях, а также понять, «в какой мере

через пространственный код и пространственные образы и понятия раскрывается картина мира, присущая той или иной национальной культуре, как формируется символично-образный, сюжетный, композиционный строй художественного творчества» [Салимова, Данилова 2009: 29].

По мнению Е.С. Яковлевой, в русской языковой картине категория времени занимает особое место. Например, русская лексема «час» в существенной степени наследует специфику категории времени Нового Завета («час» Иисуса) и является указателем пути искупления. Отсюда такие признаки лексемы «час», как духовность. В русском языке такого рода семантика репрезентирована не только во фразеологических единицах (*пробил час, последний час*), она определяет и общий механизм употребления этого слова [Яковлева 1996: 51].

Таким образом, обобщая всё вышесказанное, можно утверждать, что время выступает в качестве категорий познания, которые включают представления, знания о мироустройстве, месте и роли человека в нём, дают основания для описания и анализа способов их языкового выражения и репрезентации в речи и тексте.

При этом в филологических изысканиях уже давно используется термин «темпоральность», обозначающий объективно-субъективную категорию, сочетающую в себе свойства реального и перцептуального (субъективного по своей сути) времени, заключающуюся в выражении в языке временных отношений [Тарасова 1992: 28].

На грамматическом и лексическом уровнях языковой системы формируются средства репрезентации лингвистического времени: синтаксические конструкции, видо-временные формы глагола, морфемы с темпоральным значением, темпоральные лексические единицы и др. как отмечают исследователи, феномен лингвистического времени реализуется в

необратимости речевого потока, темпе речи, большей или меньшей длительности произносимых звуков и т.п. [Хасанов 2001: 57].

В лингвистических исследованиях выделяются два аспекта взаимодействия времени и языка: язык во времени (время как внешний фактор по отношению к языку) и время в языке (время как внутренний фактор по отношению к языку, имманентное время). Время как внешний фактор проявляется в эволюции языков мира и в истории конкретного этнического языка. Время как внутренний фактор характеризует формальную и содержательную стороны языка. Проекция времени на формальную сторону языка проявляется в линейной организации развертывания сообщения, ритме речи, длительности речевых процессов; проекция на содержательную сторону языка выражается в темпоральной лексике и в грамматической категории времени, реализуясь на уровне морфемы, слова, высказывания и текста.

Итак, исследование особенностей категории времени показывает, что данная категория многоаспектна: время изучают в физике, философии, истории, фольклоре, литературе, культурологии, психологии, лингвистике. Вопросы, связанные с языковым выражением важнейшей категории человеческого бытия – времени, привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов уже не одно десятилетие. В настоящее время теоретическая база большинства лингвистических дисциплин содержит достоверные сведения и результаты проведенных исследований, свидетельствующих о высоком уровне разработанности проблем, касающихся различных аспектов реализации категорий времени и пространства.

Предметом внимания лингвистов становятся особенности, которые находят выражение в семантике слов. Категория времени является

фундаментальными элементами организации речи. Большая степень их значимости в русской языковой картине мира не вызывает сомнений. Время как лингвофилософская категория, являясь свидетельством изменений в социальной, культурной и других сферах жизни общества, фиксирует непосредственно или отображает косвенно все новые влияния и тенденции. В связи с этим важность и актуальность исследования категории времени и языковой темпоральности представляется очевидной и требует дальнейшего углубленного анализа, в том числе на материале художественной литературы.

§ 2. Темпоральность как лингвистический феномен

В языке и авторском дискурсе реализуется несколько когнитивных моделей времени, определяемых как культурно-познавательным опытом этноса, так и свойствами самого языка, функционирующего в речи. «...Язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому располагает богатейшим арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности» [Арутюнова 1997: 9]. Особую роль в интерпретации идеи времени в языке играют глаголы, выражающие мир событий, существующих во времени [Болдырев 1994: 72].

Темпоральность (или языковое время) – это отражение реального времени, проецируемого нашим сознанием и передаваемое средствами языка. Темпоральность реализуется через различные морфологические, синтаксические, лексические и иные средства языка и представляет определенную последовательность событий, рассматриваемую с точки зрения производителя речи.

В русской языковой системе заданы различные модели понимания времени, отсылающие нас как к обыденному, так и к научному (естественнонаучному или философскому) познанию. Особую значимость среди таких моделей имеет морфологическая глагольная категория времени, обладающая большим когнитивным потенциалом: «временная категоризация в концептуальной картине мира находит отражение во временных формах и языковые формы времени позволяют объективировать восприятие временных отношений в действительности, то есть используются как орудие познания (когниции)» [Шарандин 2001: 82]. В морфологической категории времени реализуется ряд взаимосвязанных более частных вариантов линейного, динамического и однонаправленного (необратимого) времени, реализация которого (как и линейного) опирается на обыденный опыт познания человеком объективной реальности. В этом выражена определенная зависимость: невозможно вернуться в прошлое, и однажды произошедшее никогда не повторится.

Для понимания механизма и функционирования временной структуры события большое значение имеет изучение принципов организации событийного времени, временных отношений, направленных по отношению к человеку. Так, Н.Д. Арутюнова отмечала, что время отделимо от человека, но человек неотделим от времени. Если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, которое в опыте личности делится на прошлое, настоящее и будущее. Человек в модель времени вносит два компонента, которые придают ей сложность и противоречивость: точку и движение. Точка движется, вместе с нею движется время, а вместе со временем движется по линии времени событийный мир [Арутюнова 1997: 52-53].

По мысли А.В. Бондарко, категория понятия «время» включает в свою конструкцию «внутреннее» и «внешнее» время. По мысли ученого, все многообразие средств, используемых для выражения временных отношений, образует функционально-семантическую категорию темпоральности, которая опирается на совокупность разноуровневых языковых единиц, сгруппированных на основании критерия, формулируемого как единство семантической функции [Бондарко 1971: 134]. В этой структуре точка зрения коммуниканта является обязательным условием выражения временных отношений, что особенно актуально в контексте антропоцентрических тенденций современной лингвистики.

Грамматическое время представляет собой совокупность морфологического и синтаксического времени. Морфологическое время является словоизменительной грамматической категорией глагола, которая характеризует время совершения действия по отношению к моменту речи. Важным представляется определение соотношения между семантической категорией темпоральности и морфологической категорией времени: если первая представляет собой отношение препозитивного компонента предложения к моменту речи, то последняя устанавливает отношение действия к моменту речи [Бондарко 1999: 189].

Рассмотрим также категорию контекстуального времени, представляющего собой совокупность способов выражения сущности физического и философского аспектов феномена времени средствами дискурса и стиля.

В лингвистике различают микроконтекст – минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т. д., и макроконтекст – окружение исследуемой единицы,

позволяющее установить её функцию в тексте как целом [Лингвистический энциклопедический словарь 200: 239].

Для анализа категории времени важно учитывать то свойство, что микроконтекст и макроконтекст отличаются только своей протяжённостью. Под первым понимается предложение (высказывание), под вторым — более протяжённый фрагмент, как минимум — сверхфразовое единство. Границы микро- и макроконтекста не могут быть детерминированы заранее; они зависят как от задачи понимания времени как лингвистической категории [Лингвистический энциклопедический словарь 200: 240].

По мнению исследователей лингвистического времени, поскольку текст развёртывается линейно, контекст можно подразделить на левый и правый. Рассмотрим, например, прозаический фрагмент из А.С. Пушкина: «Рождение царевича праздновали трёхдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь в знак своей радости даровал прощение осужденным на смерть, возвратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню, простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключённых за долги». В данном случае левый, т.е. предшествующий, контекст разъясняет причину радости; правый, т.е. последующий, — следствие. Значение выражения «в знак своей радости» понятно и без контекста, но стоящая за этим конкретная ситуация раскрывается только через контекст [Колшанский 1980: 189].

Как мы видим, в понимании того, что представляет порядок движения времени отражены стандартизованные человеческие представления: временная ось репрезентируется событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов. Языковая интерпретация временного порядка содержит как динамичность, так и статичность. Временной порядок охватывает также отнесенность к определенному

моменту времени либо периоду времени. Таким образом, временной порядок выходит за пределы грамматической категории времени и включает иных текстообразующие элементы.

Представления о времени, реализованные в русской морфологической глагольной системе, по своей сути антропоцентричны и дейктичны, т.е. ориентированы на говорящего и момент речи. В них заложена статическая модель времени: события прошлого и будущего рассматриваются как реально существующие наряду с событиями настоящего, а различие между ними определяются только отношением к постоянной точке отсчета – моменту речи.

В речевой деятельности статическая темпоральная модель заменяется на динамические модели, согласно которым течение времени проявляется в перемещении событий на временной шкале относительно точки отсчета. При этом точная датировка на временной шкале (например, А.С. Пушкин родился в 1799 г.) помимо соотнесенности с точкой отсчета – моментом речи, имеет скрытую ориентацию на событийный исходный момент – Рождество Христово, который в силу существующей конвенции обычно не эксплицируется.

Семантическая категория таксиса в «Теории функциональной грамматики» трактуется как временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени. Значит, подобного рода отношения между действиями реализуется лишь в рамках одного временного плана.

Если говорить о категории синтаксического времени (сопоставляя ее с категорией морфологического времени), то можно указать следующие признаки:

1) категория синтаксического времени принадлежит предложению в целом, а не отдельным его элементам;

2) категория синтаксического времени является обязательным, а не факультативным элементом предложения;

3) категория синтаксического времени содержит в себе смысловое качество, отличающееся от семантики входящих в него элементов.

Говоря в целом, в русской речи категория синтаксического времени имеет более широкие и специфические средства выражения, чем категория морфологического времени.

Основное грамматическое значение предложения, в том числе и значение синтаксического времени, создается посредством взаимодействия содержательных и формально-грамматических компонентов предложения и, прежде всего, эксплицируется главными членами - предикативной основой предложения. В элементах предложения, устанавливающих отношение называемых предметов и явлений к действительности, находит свое языковое представление категория синтаксического времени.

Средства русского языка позволяют фиксировать и другие характеристики событий на временной шкале безотносительно к моменту речи. Особенностью глагольности, как общеславянской, так и русской является то, что в его семантической структуре время реализовано и зафиксировано как категориальный компонент [Гийом 1992: 11].

Действие по своей онтологической природе может быть охарактеризовано по множеству параметров, большая часть которых связана со временем, — фазисных (начало/конец, продолжение/завершение), результативности/нерезультативности, мгновенности/длительности, кратности и др. Многие из данных характеристик легли в содержательную основу грамматической категории вида, лексико-грамматических, словообразовательных и функционально-семантических аспектуальных категорий. Характерно, что онтологические

параметры предметных сущностей, такие, как размер, цвет, форма, материал и т.п., по наблюдениям типологов, в языках различного типа, как правило, не получают статус лингвистически релевантных признаков, то есть не влияют на синтагматические и парадигматические характеристики соответствующего класса слов [Вендина 2009: 171].

Для русской картины мира характерен субъективизм в восприятии времени. Это выражается, например, в так называемом «панибратском отношении» ко времени, о котором пишет Ю.С. Степанов, основывая его на свойственной русскому сознанию утопическому представлению об «ускорении хода времени» [Степанов 1997: 171], что, по мнению ученого, особенно явно проявилась в советской идеологии: само понятие «нового мира» было связано не столько с пространством (оно предполагалось неизменным), сколько со временем. В художественной литературе такая утопическая установка выразилась, например, в романе Катаева «Время, вперед!», где время мыслилось наподобие какого-то животного, которое можно погонять [Степанов 1997: 171].

В целом, субъективизм и психологизм вообще присущи категории времени в речевой деятельности. От индивидуального психологического восприятия событий зависит не только оценка их продолжительности, как было отмечено выше, но специфика построения авторского дискурса.

§ 3. Особенности представления времени в языке и авторском дискурсе

Лексема «время» в современном русском языке имеет следующие производные: *времена, временами, временнОй, временно, врЕменность, временный, времечко, времянка, повременить, заблаговременно, вовремя, своевременно, разновременной, сверхвременной, времяпрепровождение* и

др. Такое разнообразие словоформ указывает на важность данной языковой единицы для сознания современного человека.

Частотный словарь русского языка указывает на общее употребление в 1856 раз лексемы «время» (617 – газетно-журнальные тексты (на 15 использованных), 571 – научные и публицистические (на 40 использованных), 346 – в 13 художественных произведениях и 322 в 21 драматическом [Частотный словарь русского языка 1977: 109].

Нашей целью является выявление стереотипных семантических, структурных, этимологических составляющих понятия время. В качестве реакции на лексему «время» можно предложить следующий ассоциативный ряд: *программа, часы, деньги, убить, забвение, морщинки вокруг глаз, летнее, скорость, свободное.*

Рассмотрим синонимические ряды лексемы «время» [Словарь русских синонимов 1999].

Лексический ряд, описывающий жизнь государства и социума, достаточно продолжительный в современном литературном языке: *век, эпоха, времена, пора, период, полоса, дни, час, момент, эра (книжн.); година (высок.); срок (время, период, отрезок (или промежуток) времени; см. досуг (свободное) время.*

Рассмотрим слова *век, день, час*, которые содержат значение определенности. Это время объективно и измеряемо – физическое, объективное время. В значение слов *пора, эпоха, времена, период, эра* есть указание на ограничение в своей протяженности: человек искусственно задает ориентир, по которому определяется, о каком именно времени идет речь (например, эпоха Петра I или эра динозавров). В значении слова *момент* подчеркивается индивидуальный характер в ощущении

протяженности: каждый сам определяет это качество времени – индивидуальное, психологическое время.

Значение слова *досуг* включает в себя помимо ограниченности протекания во времени еще и вне рабочее времяпрепровождение – дополнительная коннотация. Таким образом, значение лексемы время – абстрактнее и полнее по объему значений, его можно рассматривать как родовое понятие, в то время как синонимы являются видовым, частным проявлением значения. О важности понятия время в его онтологическом смысле говорит тот факт, что не было найдено антонимов к данной единице. Причем к таким производным, как временный, временами, указаны антонимы *постоянный, вечны* [Словарь антонимов русского языка 2002].

Лексема «время» заимствована из церковно-славянского вместо *веремья, ср. укр. вѣреме «вѣдро, погода», блр. вѣреме, др.-русск. веремья, ст.-слав. врѣмѣ каирѣс, хрѣнос (Супр.), болг. време, сербохорв. вријеме, словен. vréme. || Родственно др.-инд. vārtma ср. р. «колея, рытвина, дорога, желоб», сюда же вертѣть [Этимологический словарь русского языка 1986: 361-362].

Исторически у лексемы «время» насчитывалось 8 значений, среди которых сегодня основными являются:

- 1) способ измерения;
- 2) период, пора;
- 3) срок, указание назначенное время;
- 4) благоприятная пора, удобный момент;
- 5) погода;
- 6) год;
- 7) форма глагола;

8) долгота слога [Толковый словарь русского языка 1935-1940].

В современном русском языке сформировалось шесть лексических значений лексемы «время»:

1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п. *На позеленевших от времени стенах висели портреты предков.*

2. Определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п. *Засечь время.*

3. Какой-л. отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т. д. *Терять время.*

4. (мн. ч. может употребляться и в знач. ед. ч.). Период, эпоха (в жизни человечества, народа, государства, общества и т.п.). *Дух времени.*

5. Грамм. Форма глагола, выражающая отношение действия или состояния к моменту речи или к какому-л. другому моменту. *Настоящее время.*

6. Филос. Всеобщая объективная форма существования материи, проявляющаяся в длительности и последовательности, неотъемлемо от движения. *Пространство и время - основные формы всякого бытия. время* [Толковый словарь русского языка 2010: 108 - 109].

Если говорить о категории времени, воплощенной в авторском художественном дискурсе, то необходимо понимать, что такой дискурс есть особое использование языка, за которым встает особая грамматика, особая лексика, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика. И все это создает особый «возможный (альтернативный) мир» [Степанов 1995: 43]. По мнению М. Я. Дымарского, дискурс одновременно и семиотизация культурно-исторического события, и речевая деятельность, ее продукт, т.е. текст, и поэтому он шире и глубже текста [Дымарский

2006: 48]. Этот подход стал одним из основных в современной филологической науке, по мнению исследователей, «любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности» [Манаенко 2005: 30].

Таким образом, дискурс, по нашему мнению, можно определить как идеологически оформленную речевую деятельность языковой личности, которая формирует вербальное пространство той или иной науки или искусства во взаимодействии с другими участниками этой деятельности (активными или пассивными), а также как результат этой деятельности – текст или совокупность текстов с учетом их коммуникативных и экстралингвистических характеристик. При этом дискурс неотделим от языковой личности. Ю. Н. Караулов считает, что за каждым продуктом дискурса, текстом, стоит языковая личность, владеющая системой языка [Караулов 1995: 27].

Все сказанное выше относится и к художественной литературе. Однако авторский художественный дискурс наряду с общими для всех текстов характеристиками имеет и свои специфические особенности. Так, «в художественном тексте, в отличие от других текстов, – по мнению Н.А. Николиной, – внутритекстовая действительность (по отношению к внетекстовой) имеет креативную природу, т.е. создана воображением и творческой энергией автора, носит условный, как правило, вымышленный, характер» [Николина 2008: 11]. Несмотря на вымышленный характер, организация пространственно-временных отношений обязательна для практически любого текста.

Как образно заметил Х.Г. Гадамер, «в языковом оформлении человеческого опыта мира происходит не измерение или учет

наличествующего, но обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [Гадамер 1988: 527]. Категория времени в таком случае становится измерением, без которого автор не может построить сюжетную основу произведения, организовать его нарратив.

Художественный же текст или дискурс в узком понимании этого термина можно определить как вымышленный, в котором изображаемый мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие, преобразуясь в соответствии с интенцией автора, т.е. концептуализируясь.

Однако картина мира, передаваемая текстом, создается не только его автором, но и тем/теми, кто этот текст читает: их интеллектом, культурой, образованием, эмпатией, их мировоззрением. И в этом процессе взаимодействия картины мира адресата с картиной мира адресанта и рождается практика дискурса.

Более того, любой отдельно взятый текст может быть результатом множества дискурсов, часто противоречивых, поскольку текст редко бывает цельным с точки зрения лингвистических особенностей, которые он содержит, или дискурсов, которые он выражает [Караулов 1995: 41]. И в свете такого подхода текст шире дискурса, поскольку способен включать множества дискурсов. В этом случае текст или дискурс в узком смысле этого понятия можно определить как идеологически оформленный результат речемыслительной деятельности языковой личности, выражающий или отражающий дискурс или дискурсы в широком смысле (институциональные дискурсы). В художественной литературе это проявляется в том, что текст, отражая различные аспекты реального мира, как бы отчасти уподобляется им, внося в свою структуру элементы тех

функциональных стилей, которым он (текст) подражает, и, соответственно, элементы тех дискурсов, которые в нем отражаются.

Следует помнить, что художественный дискурс и дискурс языковой отличаются, в первую очередь, тем, что последний существеннее очерчен, либо бытийно формализован. Об этом говорит то, что языковая среда не дает буквально расширить семантический объем лексемы или фразеологизма, потому может быть потеряна основной (ведущий) план воспроизведения (понимания). Утратив связь с «реальностью», наличный языковой дискурс теряет, по определению, свое первичное предназначение – передачу информации.

Принципиально иначе обстоит дело с дискурсом художественным, в котором буквальная значимость языка очевидна, но не первостепенна. В нем говорит особый слой – воплощение «внутренней формы», ее реализация в модели контакта: «автор – текст – читатель». Данная модель позволяет, как воспринять текст, так и его «оживить», дать возможность целостного (дальнейшее) движения в литературном процессе [Степанов 1995: 56-57].

Языковая картина мира, реализуемая в художественном дискурсе, строится на основе лингвокультурных доминант, среди которых ключевую роль играют базовые категории бытия и познания – пространство и время. Их художественные образы, сложившиеся в сознании людей в процессе накопления жизненного опыта, являются особыми, отдельными случаями категории познания. Полученные эмпирическим путем знания и представления касаются не только принципов существования народа во времени и пространстве, они охватывают и другие сферы жизнедеятельности людей, включая морально-этическую и социально-бытовую. Таким образом, наблюдается преобразование временных и

пространственных представлений в ценностные и этические. Аналогичный процесс протекает и на языковом уровне, в результате чего пространственная и темпоральная лексика и фразеология, а также иные средства выражения категории времени приобретает способность выражать огромный спектр социальных и межличностных отношений [Михеева 2003: 55].

Образ времени в языковой картине мира характеризуется тем, что в нем тесно взаимосвязаны элементы циклической и линейной моделей восприятия времени. Являясь наследием архаической картины мира, цикличность проявляется в обозначении времени путем отсылки к лунному и солнечному циклам, повадкам животных и к вегетативным циклам растений. Некоторые, наиболее глубоко укоренившиеся циклические способы репрезентации времени сохранились в языковой картине мира, тогда как другие трансформировались: часть из них привнесли элемент ритмичности и упорядоченности в появившуюся со временем линейную модель. В литературе Нового времени принцип нормы и отклонения от нее, характерный для циклической модели, был переосмыслен и заменен идеей благоприятности/неблагоприятности некоторых моментов и промежутков времени для совершения определенных действий [Цивьян 2006: 171-172].

Художественный образ времени в языковой картине любого этноса, есть результат взаимовлияния ряда важных факторов. К ним, в первую очередь, следует отнести условия сознания художественных текстов, их жанровое и стилистическое своеобразие, а также специфику интерпретации временных категорий в мифопоэтической или архаической картинах мира, производной от которой, как известно, является фольклорная картина мира.

Одним из ключевых элементов изначально сформированной в художественной литературе (как фольклорной, так и авторской) картины мира выступает космологическая или циклическая модель восприятия времени, противопоставляемая исторической или линейной модели. По мнению Б.А. Успенского, в основе данных типов осмысления времени лежит различное отношение к прошлому, настоящему и будущему. Так, более древняя циклическая модель строится на соотнесении некоего явления с «первоначальным, исходным состоянием, которое как бы никогда не исчезает – в том смысле, что его эманация продолжает ощущаться во всякое время» [Успенский 1989: 18]. Данное исходное состояние отождествляется с начальным временем или правременем, содержащим первопричины всех последующих действий, а также образцы и модели социального поведения в настоящем [Чупрына 2001: 22]. Следовательно, поскольку циклическое время предполагает постоянное воспроизведение актов первотворения, прошлое, в сущности, является единственно возможным, так как настоящее, копирующее уже известные действия и события прошлого, фактически сливается с ним. «При таком подходе факты прошлого рассматриваются как вечно длящиеся и обладающие реальностью, и даже большей, чем факты настоящего» [Черванева, Артёменко 2004: 98]. Высокая значимость прошлого в рамках архаической модели предопределяет и отношение к будущему как уже существующему, однако, ещё не достигнутому, находящемуся пока в недоступном для человека месте.

Современное же – более абстрактное – восприятие времени заключено в линейной модели, строящейся на основе причинно-следственных отношений между событиями. При этом каждое последующее явление или состояние есть прямое следствие предыдущего,

но, в отличие от циклического времени, отсутствует первоначальное событие, то есть немедленной отсылки к акту первотворения здесь не предполагается.

Благодаря этому становится возможным установить хронологию событий, а настоящее обладает большей значимостью, чем прошлое. Что касается будущего, то оно как таковое не существует, а когда наступит, оно также будет настоящим. Нами были рассмотрены синонимические ряды, система значений, семантические особенности времени как понятия, определяющего стереотипное представление народа о действительности.

В контексте сопоставления различных видов дискурса следует отметить, что в темпоральных отношениях отображено косвенно все многообразие бытийных и бытовых ситуаций. Действие как элемент картины мира, реализуясь в дискурсах, характеризуется по множеству критериев, значительная часть которых увязана с категорией времени.

Итак, категория времени является фундаментальным элементом организации речи и как лингвофилософская категория, являясь свидетельством изменений в социальной, культурной и других сферах жизни общества, фиксирует непосредственно или отображает косвенно все многообразие бытийных ситуаций в художественной литературе разных эпох.

Любое действие характеризуется по множеству критериев, значительная часть которых увязана с категорией времени: указание на начало и конец, продолжение и завершение и др. Такие характеристики стали основой грамматической категории вида и других лексико-грамматических, функционально-семантических категорий.

Реализация в художественном дискурсе сложной модели отношений «автор – текст – читатель» требует сложной системы организации времени

как текстообразующей категории. Темпоральность в авторском художественном дискурсе становится универсалией, находящей отражение в разных уровнях организации языка произведения.

Глава II. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА

§ 1. Типы времени в авторском художественном дискурсе А.С. Пушкина

Рассмотрение художественного текста как семантической структуры, формируемой набором языковых знаков и их значений, выдвигает проблему категоризации содержания. Одной из универсальных категорий содержательной стороны художественной реальности является (наряду с пространством) время.

Как мы уже отмечали в первой главе, ведущая роль в разработке данных категорий в их взаимосвязи принадлежит М.М. Бахтину, который применил термин хронотоп и разработал теорию хронотопа, указав на главенство временных примет в осмыслении художественного целого: «причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [Бахтин 1975: 234]. Множественность подходов к выявлению феномена времени в авторском художественном дискурсе детерминирует неоднозначность его толкования.

Размышляя о хронотопе в произведениях А.С. Пушкина, интересным представляется определить наполнение семантики образа времени, реализующегося в художественном дискурсе писателя. Для понимания универсальной роли дороги как лирического хронотопа необходим анализ

событий, в которых разворачивается монолог путешествующего лирического героя.

О роли образа дороги в художественной картине мира, созданной А.С. Пушкиным, пишут многие исследователи. Так, Ю.М. Лотман отмечал, что у А. С. Пушкина есть герои пути, для которых странствия, скитания составляют необходимый элемент их существования [Лотман 1992: 198-199]. Так, в романтических произведениях герой часто бежит в другой мир в поисках своего идеала свободы. Примерами обращения к хронотопу дороги могут служить романы Пушкина – «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка», в которых дорога составляет существенную часть хронотопа. Филологи включают образ дороги как реализации движения времени как неотъемлемый элемент в целостную картину художественного мира А.С. Пушкина [Лотман 1992: 210].

Образ дороги сформировался в южной лирике поэта и особо хотелось бы остановиться на стихотворении «Телега жизни», в котором темпоральность реализуется через систему метафорических компонентов.

Лирический герой философствует, раздумывает над самим течением времени. Эти раздумья переданы в монологе, разделенном на строфы. В первых двух строфах присутствует общая метафорическая установка, которая связана с движением телеги, погоняемой ямщиком:

С утра садимся мы в телегу;

Мы рады голову сломать

И, презирая лень и негу,

Кричим: пошел! ...

(Пушкин, т.1, 1974: 217)

В третьей и четвёртой строфах наступает эмоциональный спад, теперь уже движение угасает. Возникает ключевая лексема «время», которая

заключает в себе функции метафорического «возницы». Также используются переносные значения в глаголах «катит», «едем», «гонит»:

*Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.* (Пушкин, т.1, 1974: 217)

Темпоральность в прозаических произведениях А.С. Пушкина представлена разнообразно. Например, в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» лексема «время» предстает в различных значениях, но среди них можно выделить следующие основные значения:

1) форма бытия, измеряемая секундами, минутами, днями, годами как мера длительности всего совершающегося: *Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться* (Пушкин, т. 2, 1975: 59);

2) последовательная смена часов, дней, лет, столетий и т.п.; определенный отрезок этой последовательности, в течение которого что-нибудь совершается или что-нибудь может быть совершено: *В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии* (Пушкин, т.2, 1975: 45);

3) при выражении временных отношений, когда в один из моментов, или на всем протяжении действия, или состояния происходит что-либо; в процессе чего-либо, в ходе чего-либо: *До обеда кое-как еще дотягивал я время, толкуя со старостой, разъезжая по работам или обходя новые заведения; но коль скоро начинало смеркаться, я совершенно не знал куда деваться* (Пушкин т. 2, 1975: 46).

Как мы уже отмечали в первой главе в лингвистической литературе среди множества моделей языкового времени большинство ученых выделяют две главные, базисные модели времени – циклическое и линейное, время как последовательность однотипных событий, «жизненных кругов» и время как

однонаправленное поступательное движение. И циклическое, и линейное время могут быть представлены формами глагольного времени, наречиями и прилагательными с темпоральным значением. Но самым большим классом темпоральной лексики в прозаических произведениях А.С. Пушкина являются имена существительные: *эпоха, пора, время, осень, зима, весна, лето, утро, день, вечер, ночь, детство, молодость, зрелость, старость* и др.

Форма конкретизации линейного времени получила особое развитие в художественной литературе XIX века в виде «привязки» действия к реальным историческим ориентирам. У А.С. Пушкина в «Капитанской дочке» или в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» линейное время почти всегда можно дифференцировать в соответствии с конкретными историческими событиями и культурными процессами.

Например, предельно точен исторический фон в «Метели»: 1812 год, война с французами. Семантика войны репрезентируется языковым материалом: темпоральной лексикой (*«В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную», «В начале 1812 года»*), обозначением воинских объединений и званий (полк, войско, армия, офицеры, уланы, армейский прапорщик, гусарский полковник, корнет, капитан-исправник), историческими топонимами (Бородино, Вильна), номинацией соответствующих реалий (*«...в числе отличившихся и тяжело раненых», «обвешанные крестами», «с Георгием в петлице», «завоеванные песни: Vive Henri Quatre»*).

В прозе А.С. Пушкина может быть дана последовательность событий с указанием временной точки отсчета, как, например, в «Станционном смотрителе»: *В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. - Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые*

*места. - Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле. - Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу* (Пушкин, т. 2, 1975: 72-82).

Исследователи отмечают, что до сих пор не прояснена проблема времени и пространства в «Капитанской дочке», ее содержательная связь с композицией произведения.

Пушкин, расширяя романские возможности циклической структуры «Повестей Белкина», создает новый тип занимательного и лаконичного романа о важнейших событиях русской истории. Исторический роман обретает форму семейных записок. Главный герой – участник описываемых событий. Такой способ связи между материалом и его отображением создает особого рода темпоральные отношения. Время становится субъектом и объектом повествования, выполняя таким образом и сюжетную функцию [Бахтин 1975: 123-125].

В «Капитанской дочке» наиболее широко и масштабно представлены историческое время – эпоха конца XVIII века, время бунта Емельяна Пугачева. Активно используются имена числительные для воссоздания хронологии эпохи: упоминается два раза о восстании яицких казаков в 1772 году, описывается положение, в котором находилась Оренбургская губерния в 1773 году и т.д. Даже закодированная фиксация фактов (*«Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам... Не стану описывать нашего похода и окончания войны...»*) расширяет пространственно-временные границы.

Историческое время воссоздается в повести с помощью лексем, наименующих реалии быта, образ мышления, стиль жизни людей той эпохи. Мы анализируем темпоральность повести, в том числе, через систему

деталей. Назовем, например, упоминание имен Третьяковского и Сумарокова или придворный календарь, который читал батюшка Гринева.

Важным временным пластом романа становится история частной жизни семьи Гриневых. Создавая хронологическую последовательность мы должны прибегнуть к лексическим маркерам, указывающим на определенный год, когда происходят те или иные события («*Это было в начале 1773 года... Гринев был освобожден из заключения в конце 1774 года...*»). Заметной для нарратива пушкинской повести становится указание на календарную смену времен года («*...Однажды осенью..., весной...*»), а также упоминание определенных месяцев («*Это было в конце февраля... Это было в начале октября...*»). Введение специальных временных связок, позволяет с особой точностью передать динамику развития сюжета («*...Прошло несколько недель... Гринев очнулся после ранения на пятые сутки... Однажды вечером... В ту же ночь... На другой день...*»).

Оценка людей и событий во многом зависит от разницы хронотопов. По-разному читатель воспринимает те или иные персонажи и реалии в зависимости от того, вспоминает ли рассказчик (постаревший Петр Гринев) давно прошедшее или мы слышим его же голос как непосредственного участника событий. Молодой Гринев, воспринимает все эмоционально, не философствуя. Так, объясняясь с Савельичем, он говорит: «*Я вчера напроказил*», или кричит в бешенстве, обращаясь непосредственно к Швабрину: «*...Ты лжешь, мерзавец!...*». Эти яркие эмоции выделяются особыми средствами выражения речевой экспрессии, которые отличны от бесстрастного тона воспоминаний умудренного жизненным опытом Гринева, в которых упоминаются определенные даты и исторические события: «*Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе, и вышел в отставку премьер-майором в 17... году*» (Пушкин, т. 2, 1975: 239).

Повествователь через систему темпоральных маркеров все время поддерживает интерес к событиям, создает динамику нарратива. Для того, чтобы «просто пересказать предание русского семейства», потребовалась сложная композиционная организация материала, новаторская для литературы той эпохи. Причем традиции старинных романистов, которые очень заботились о результативности воздействия на читателя, не отвергаются, а получают свое развитие.

Таким образом, изменение хронотопа, организация темпоральности как через лексические и синтаксические средства придает особый смысл композиции повести «Капитанская дочка». Время приобретают значение эстетической и оценочной категории в авторском художественном дискурсе А.С. Пушкина.

Подробное исследование имен существительных с семантикой времени дает основание предполагать, что в прозаических произведениях А.С. Пушкин тяготеет к одной модели времени. Так, в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» встречается большое количество употреблений названий времен года: *осень, зима, весна, лето*. В этом цикле повестей можно обнаружить достаточно большое количество описаний природы, ее особенностей в различные времена года, вследствие чего мы находим частое употребление данных лексем: *В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и нескольких дворовых мальчишек с трещотками* (Пушкин, т. 2, 1975: 87).

В «Повестях Белкина» в можно также обнаружить большое количество описаний природы, но писатель сосредотачивает свое внимание не только на временах года, но и на особенностях живой природы, которые взаимодействуют с человеком в определенных обстоятельствах и в

определенной временной последовательности: *Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло... Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской роуци. Прошло еще около десяти минут; роуци все было не видать.* (Пушкин, т. 2, 1975: 58).

Следует отметить, что к обозначению циклического времени относят все единицы времени меньше года, в пределах ближайшей, более крупной единицы: секунда в пределах минуты, минута – часа, час – суток и т.д.: *На другой день за завтраком Григорий Иванович спросил у дочери, все ли намерена она спрятаться от Берестовых* (Пушкин, т. 2, 1975: 87). Для А.С. Пушкина в ряде случаев важным становится предельно точное указание времени событий: *На другой день, ровно в двенадцать часов, гробовщик и его дочери вышли из калитки новокупленного дома и отправились к соседу* (Пушкин, т. 2, 1975: 66). *В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въехала на двор и покатила около густозеленого дернового круга* (Пушкин, т. 2, 1975: 89).

К выражению циклического времени у А.С. Пушкина можно также отнести и лексемы – названия трапез и производных от них лексем: *Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. - «Господа, – сказал им Сильвио, – обстоятельства требуют немедленного моего отсутствия; еду сегодня в ночь; надеюсь, что вы не откажетесь отобедать у меня в последний раз* (Пушкин, т. 2, 1975: 48).

Также названия порядка богослужений выстраивают в прозе А.С. Пушкина темпоральность повествования, например в повести «Гробовщик»: *Никто того не заметил, гости продолжали пить, и уже благовестили к вечерне, когда встали из-за стола. - Ты целый день пировал у*

немца – воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблаговестили (Пушкин, т. 2, 1975: 67).

Категория времени становится в прозе А.С. Пушкина смыслоорганизующей, без понимания темпоральности как авторского инструментария сложно понять глубину идейно-художественного содержания.

Рассмотрим на примере повесть «Метель» реализацию типов времени - циклического и линейного – через темпоральную лексику, формирующую сюжет и смысловую сложность произведения. Текст начинается с обрисовки именно такого бытия: *...жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**.* Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пять копеек в бостон с его женою (Пушкин, т. 2, 1975: 54).

Как отмечает М. М. Бахтин, поместье – это место циклического бытового времени. «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бытования»... Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко срослись с бытовыми локальностями» [Бахтин 1975: 304]. Признаком мифологического времени является также антропоморфность природы, реализованная через метафоричность, зависимость от нее человеческих судеб, согласованность ее ритмов с ритмами человеческой жизни.

Человек, существующий в циклическом времени, вынужден действовать согласно установленному ритуалу, поддерживать порядок, установленный предыдущими поколениями. Герои повести «Метель» нарушают запрет родителей вступать в брак. Они наказаны за своеволие. Наказание исходит от природной стихии – метели, дующей всю ночь и меняющей цикличность временных ощущений героев.

Пушкинский художественный дискурс во многом сформирован под влиянием пришедшего из Европы романтизма, атрибуты которого представлены, в том числе в «Повестях Белкина». Один из признаков романтических сюжетных конструкций становится ориентация на индивидуализацию событий и их участников, стремление личности распорядиться жизнью по-своему, нарушение, в частности, традиционных темпоральных отношений.

С другой стороны, для «Повестей Белкина» характерно целостное представление о времени, когда соединены характеристики цикличности и линейности. Это свойственно христианскому сознанию, языковыми фактами которого в художественном тексте А.С. Пушкина являются понятия: *Бог, церковь, часовня, паперть, налой, священник, поп, батюшка, венчание, перекреститься, благословить*. Христианское мировосприятие предполагает главенство в системе ценностей как отдельного человека, так и всего общества нравственных установок, согласно которым человек несет ответственность за совершаемые в любое время своей жизни поступки.

Зачастую в прозе А.С. Пушкина временные типы четко не дифференцируются, темпоральные различия стираются либо переплетаются. Переплетение временных значений, их контаминация специфически актуализирована в различных произведениях, посвященных, как правило, событиям недавней для писателя и его читателей эпохи (чаще всего сконцентрированной вокруг событий Отечественной войны 1812 года). В организации нарратива пушкинских повестей в определении поступков героев важную роль играют лексические средства, прямо или косвенно обозначающие время изображаемых событий.

§ 2. Система лексико-семантического представления темпоральности в прозе А.С. Пушкина (на примере повести «Метель»)

Темпоральная лексика «Метели» объединяется в соответствующую лексико-семантическую категорию «Время» (238), иерархически организованную в виде трех лексико-семантических полей (ЛСП): «Неизмеряемая длительность» (145), «Измеряемая длительность» (31), «Расположение событий во времени» (62) – и содержащихся в них лексико-семантических групп (ЛСГ).

Рассмотрим более подробно каждое из лексико-семантических полей

I. ЛСП «Неизмеряемая длительность» (145), репрезентирующее циклическое время, образуют несколько лексико-семантических групп.

1. ЛСГ «Природно-циклическое время» (34) составляет ядро семантического поля, она представлена следующими лексическими единицами: день 8, время 5, ночь 3, вечер 3, ужинать 3, зима 2, эпоха 1, рассвет 1, утро 1, отобедать 1, обед 1, смеркаться 1, полночь 1, рассветать 1, светло, пели петухи 1.

Частотным понятием в ЛСГ 1 является ключевая темпоральная лексема «время», в этимологии которой содержится основное архетипическое значение циклического, кругового временного представления. Природное время включается в аксиологическую систему. Формируется оппозиция: хорошее (благоприятное) – плохое (неблагоприятное). Условно говоря, благоприятное время, приносящее человеку здоровье, счастье, – это утро, день, лето, неблагоприятное время, приносящее горе, испытания – это вечер, ночь, зима.

Темпоральную лексику ЛСП «Неизмеряемая длительность» можно представить в виде антинимии подгрупп с положительной семантикой: всего 15 лексем (день 8, рассвет 1, утро 1, отобедать 1, обед 1, рассветать 1, светло

1, пели петухи 1) – и отрицательной семантикой: всего 13 лексем (ночь 3, вечер 3, ужинать 3, зима 2, смеркаться 1, полночь 10). Кульминационное событие – венчание во время метели, ставшее для героев причиной страданий, – приходится в произведении на зимнее ночное время. Избавление от тяжелой тайны и объяснение в любви Марьи Гавриловны и Бурмина, по всей видимости, происходит летом.

Согласно народным представлениям, наиболее опасным временем, границей, проницаемой для потустороннего мира, считается полночь. В авторском дискурсе А.С. Пушкина полночь как темпоральная точка наиболее ярко обозначена в эпизоде, описывающем заблудившегося в метели Владимира: *Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его.* Полночь еще раз актуализирует соответствующий ей, по представлениям древних славян, временной промежуток – Святки, как период разгула нечистой силы, избавление от которой символизирует рассвет и крик петуха. Когда Владимир отыскал дорогу, *«пели петухи и было уже светло»*. Мы видим, что понимание природного времени сохраняет в повести архетипичность, восходящую к мифологическим истокам, и указывает на сопряженность происходящих событий с всеобщими бытийными циклами.

2. ЛСГ «Время существования человека». Обнаруженные 20 случаев образуют равнозначную оппозицию «жизнь» (10 лексем) – «смерть» (10 лексем). Соотношение лексем в обозначенных группах говорит о гармоничном соотношении данных понятий в текстовом пространстве повести. Можно предположить, что осмысление данной оппозиции в «Метели» не противоречит архетипическим представлениям, согласно которым смерть – это не окончательное уничтожение, а переход в иную форму существования. В темпоральном развитии текстов А.С. Пушкина смерть зачастую не задает границы жизни, а включается в ее общее течение.

3. ЛСГ «Возраст человека» (16 лексем) включает еще одну антонимичную пару: «молодой» (7 лексем: молодой 3, девица 1, девический 1, мальчик 1, возмужав 1) – «старый» (9 лексем: старик 4, старый 2, старушка 2, седой 1).

Традиционно молодость ассоциируется с легкомыслием, а старость – с мудростью, а потому заслуживает преклонения. Образ отца (мудрого старика) появляется в сновидении героини (*«отец ее останавливал ее... и бросал в темное, бездонное подземелие»*), он символизирует наказание за непослушание. Старик с бородой (*«ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду»*) помогает Владимиру, объясняет его местонахождение и дает проводника. В системе мифологических противопоставлений положительная оценочная семантика закрепляется за ценностями, связанными с лексемой «старый».

4. ЛСГ «Фазы протекания событий во времени» (29 лексем) образует две семантически противоположные группы: «начало» (12 лексем) (начинать 6, первый 3, начать 1, начало 1, сперва 1) – «конец» (17 лексем) (наконец 7, конец 4, последний 2, конченный 2, оканчивать 1, кончиться 1).

Показателен тот факт, что в текстовом фрагменте, изображающем метель сквозь призму восприятия «несчастливого» Владимира, несколько раз упоминаются однокоренные образования с семантикой конца (*«Наконец он увидел, что едет не в ту сторону»*; *«полю не было конца»*; *«Наконец в стороне что-то стало чернеть»*; *«роще не было конца»*), имеющей негативную оценку, связанную с подземным миром, хаосом, разложением. В рассказе Бурмина, напротив, несколько раз повторяется глагол начинать в соответствующей форме (*«Прикажете начинать?»* – *«Начинайте, начинайте, батюшка»*), что дает положительную оценку. Таким образом,

архетипическая семантика темпоральности начала прогнозирует быть счастливым спонтанно заключенному браку.

5. ЛСГ «Скорость протекания событий во времени» (24 лексем) содержит такие группы, как «быстрый» (17 лексем) – «медленный» (7 лексем). Нужно помнить, что один из вариантов первичного корня, выражающий нерасчлененное понятие начала/конца, означает «творение, работа, активность» и вызывает представление о динамичности, высокой скорости протекания событий. Причем в описании того, как во время метели заблудился Владимир, употреблены низкочастотные для всего произведения лексемы с семантикой «медленный»: *«Лошадь начинала уставать»*, *«Лошадь его чуть ступала»*, *«бедное животное... скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом»*. Во фрагменте текста, изображающем последовательность событий, происходящих с Бурминым, обращает на себя внимание ускоренный темп действий: *«спешил в Вильну»*, *«поскорее закладывать лошадей»*, *«выходи скорее»*, *«священник торопился»*, *«бросился в кибитку»*.

6. ЛСГ «Особенность протекания событий во времени» (22 лексемы) состоит противопоставленных групп «постоянный» (15 лексем) (постоянство 2, обыкновенный 2, привычка 2, обыкновение 1, беспрестанный 1, вечный 1, верность 1, по-прежнему 1, ежедневно 1, опять 1, снова 1, девственная Артемида 1) – «внезапный» (7 лексем) (неожиданный 2, очутиться 2, внезапный 1, вдруг 1, едва выехал ..., как поднялся ветер 1). Здесь, на наш взгляд, важным является количественное превосходство наименования первой группы. Неожиданные происшествия во время метели (исчезновение Владимира, венчание Маши и незнакомца) нарушают привычное течение жизни. Однако в конце повести прояснение невероятного недоразумения способствует восстановлению традиционного жизненного уклада.

II. ЛСП «Измеряемая длительность» (31 лексема) (минута 10, поминутно 6, год 5, час 4, полчаса 1, месяц 1, неделя 1, семнадцатилетний 1, сорокалетний 1, двадцать шесть лет 1) репрезентирует линейное время.

Данные темпоральные лексемы воспринимаются как знаки времени частного существования человека. Согласно традиционным фольклорным представлениям, количество затраченного времени позволяет измерять преодоленное пространство: *«езды всего двадцать минут», «уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи», «прошло еще около десяти минут, а рощи было не видать»*. Невысокий показатель частоты лексем данного поля на фоне других групп в авторском дискурсе А.С. Пушкина, представленном в повести «Метель», актуализирует неспособность человека контролировать такое метафизическое понятие, как время.

III. ЛСП «Расположение событий во времени» (62 лексем), представленное оппозицией групп «отнесенность к настоящему» (12 лексем) – «отнесенность к прошлому / будущему» (50 лексем) (представляет тип восприятия времени, свойственный христианскому мировоззрению).

Одним из важнейших свойств времени в художественной литературе является дискретность, проявляющаяся, что наиболее значимое в смысловом отношении событие изображается во всех подробностях, а другое, незначительное, лишь обозначается отдельными штрихами. Описание событий метели, произошедших в течение вечера и ночи, занимает пять из десяти страниц текста, при этом развитие действий в повести охватывает три года. Кроме того, в анализируемом произведении наблюдается временной сдвиг – ретроспекция, то есть возврат к уже указанному событию. Временные отклонения, существуют в таком повествовании, где есть тайны:

«венчаться тайно», «тайна была сохранена», «тайна... всегда тягостна женскому сердцу», «открыть вам ужасную тайну».

Объяснение между героями происходит через *«три года сетований»* после венчания в метельную ночь. Указанное количество лет свойственно фольклорному хронотопу. Сакральное значение числительного «три» (три главных персонажа, три картины метели): «гармония микро- и макромиров, примирение антагонизмов, божественный разум» [Маковский 2000: 214] – не противоречат ожиданию счастливой развязки.

Таким образом, в семантическом пространстве повести А.С. Пушкина «Метель» языковые средства репрезентируют сложную иерархически организованную категорию времени, включающую различные темпоральные значения с доминантой циклического кругового представления о времени, восходящему к народным представлениям о времени, его движению и влиянию на жизнь человека.

Художественный дискурс, созданный в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина», оказался способен, на наш взгляд, воплотить, историческую и культурную преемственность, языковое выражение которой осуществляется в рамках, в том числе спонтанности действия, отражающей специфику мифологического мышления. Читательская корреляция темпоральности и авторского нарратива определяется, таким образом, выявлением функциональной связующей между различными фазами изображаемых событий и нестандартной характеристикой скорости протекания событий во времени.

А расположение событий во времени», реализованное в оппозиции «отнесенность к настоящему» – «отнесенность к прошлому или будущему» представляет тип восприятия категории времени, свойственный христианскому мировоззрению. В текстах «Повестях покойного Ивана

Петровича Белкина» главенствует временная дискретность: наиболее значимое в смысловом и сюжетном отношении событие А.С. Пушкин изображает во всех подробностях, а незначительное лишь обозначается отдельными штрихами.

Сложная модель отношений «автор – текст – читатель» требует от писателя нестандартной системы организации текстообразующей категории времени. Темпоральность предстает как универсальный механизм, используемый на разных уровнях организации текста «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина».

Авторский художественный дискурс предстает как идеологически оформленный результат речемыслительной деятельности языковой личности рассказчиков и персонажей. Изображаемый и анализируемый ими мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляется через индивидуальное его восприятие и создает уникальную систему взаимодействия разных видов темпоральности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия формируется новое направление исследования языка, когда язык и связанная с ним речевая деятельность человека активнее рассматривается во взаимосвязи и взаимодействии с историей, этногенезом, национальной культурой. На основе филологических и культурологических исследований, появилось понимание языка как средства приобщения языковой личности к непрерывной культурной традиции определенного народа. Язык не только сохраняет накопленную этническим коллективом информацию, но и запечатлевает особый способ мировоззрения носителей языка, взгляд на мир сквозь призму национально-культурных представлений и образов.

Актуальной задачей для современной лингвистики становится системное освещение культуры русского народа через его язык, отражение культурной значимости языковой единицы на основе ее соотнесения с «кодами» культуры, которые известны только носителю языка или которые устанавливаются с помощью анализа, толкования соотношения и связи языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества.

В сознании носителей русского языка возникает определенная картина мира, сквозь призму которой человек видит мир. Построение ментальных моделей мира предполагает обращение к языковой картине мира русских. Языковая картина мира представляет собой смысловые модели действительности, является идеальным образцом объективной реальности, воссоздаваемым в национальном языке.

Категория времени – это фундамент организации коммуникации, в котором отображены косвенно все многообразие бытийных ситуаций. Действие как элемент картины мира характеризуется по множеству критериев, значительная часть которых увязана с категорией времени.

Современный этап развития языкознания характеризуется тенденцией к изучению художественного текста, к выявлению особенностей языковых единиц, возникающих в результате их функционирования в качестве компонентов текста. Возрастает интерес к рассмотрению темпоральной картины художественного текста, важную роль в структурировании которого играют лексические и синтаксические единицы с темпоральной семантикой. Создавая хронотоп художественных произведений А.С. Пушкина, темпоральные маркеры как формируют временные пространства персонажей, так и упорядочивают описываемые в произведении события на временной оси повествования в целом.

Реализация в художественном дискурсе сложной модели отношений «автор – текст – читатель» требует сложной системы организации времени как текстообразующей категории. Темпоральность в авторском художественном дискурсе А.С. Пушкина становится универсальным механизмом, задействованным автором в разных уровнях организации языка прозаических произведений.

Художественный дискурс прозаических произведений А.С. Пушкина можно определить как идеологически оформленный результат речемыслительной деятельности языковой личности, выражающий или отражающий дискурс или дискурсы в широком смысле (институциональные дискурсы). Тексты писателя, отражая различные аспекты реального мира, передают, в частности художественный образ времени, заключенный в русской языковой картине.

Авторский дискурс рассмотренных нами произведений А.С. Пушкина («Капитанская дочка», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина») можно определить как вымышленный, в котором изображаемый мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие, преобразуясь в соответствии с аксиологическими установками писателя и формируя уникальную систему взаимодействия разных типов времени.

Исследования пространственно-временного континуума художественного текста позволили ученым сделать ряд важных наблюдений и выводов относительно специфики языковой репрезентации категории времени. Утверждается, что лексические единицы, формирующие темпоральность авторского дискурса выступают как маркеры концептуально значимой информации текста, что позволяет им стать в тексте основой трактовки авторского замысла. Время, как и пространство, являются

моделируемыми категориями, при этом соответственные модели отражают прототипические представления, которые закреплены не только в языке, но и в архетипических ментальных представлениях.

В проанализированных нами произведениях А.С. Пушкина временные типы зачастую четко не различаются. Их переплетение специфически актуализируется в различных произведениях по-разному. Можно утверждать, что в организации сюжетного развития пушкинских повестей, в понимании поступков персонажей значительную роль играют лексические средства, обозначающие время изображаемых событий.

Соотношение лексем в рассмотренных лексико-семантических группах говорит о гармоничном соотношении множества темпоральных оппозиций в текстовом пространстве повестей А.С. Пушкина. Можно предположить, что осмысление столкновения таких групп, как «начало-конец», «жизнь-смерть», «молодой-старый» в повести «Метель» соответствует архетипическим фольклорным представлениям, согласно которым, скажем, смерть – это не окончательное уничтожение, а переход в иную форму существования. В темпоральном развитии авторского дискурса А.С. Пушкина смерть зачастую не задает границы жизни, а включается в ее общее течение, продолжает нарратив человеческой жизни.

Таким образом, репрезентация темпоральности через лексические и синтаксические средства придает особый смысл композиции пушкинских текстов. Темпоральная лексика, организующая художественный текст, приобретает значение оценочной категории в авторском дискурсе А.С. Пушкина.

Итак, исследование особенностей концептуальных представлений о категории времени в авторском художественном дискурсе А.С. Пушкина показывает, что данная категория становится фундаментальным условием

организации речи и авторского нарратива. Время как лингвофилософская категория, являясь своего рода свидетельством изменений в социальной, культурной и других сферах жизни общества, фиксирует непосредственно или отображает косвенно авторские философские интенции и оценочные характеристики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Теоретические работы:

1. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 288 с.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – 256 с.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 127 с.
4. Брагина, Н.Г. Социокультурные конструкты в языке [Текст] /Н.Г. Брагина. – М.: Государственный институт им. А.С. Пушкина, 2005. – 358 с.
5. Васильева, В.Ф. Языковая картина мира: Миф и реальность (полемиические заметки) [Текст]/ В.Ф. Васильева // Вестник Московского университета. Серия «Филология», 2009. - № 3 – С. 22-31.
6. Вендина, Т.И. Категория времени в языке русской традиционной культуры [Текст] / Т.И. Вендина // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 29-65.
7. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162-189.
8. Воротников, Л.Ю. «Языковая картина мира»: трактовка понятия [Текст] / Л.Ю. Воротников // Гуманитарные науки: теория и методология, 2006. – № 2 – С. 88-90.

9. Гадамер, Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст]/ Х.Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
10. Гальперин, И.Р. Избранные труды [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 2005. – 255 с.
11. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) [Текст] / М.Я. Дымарский. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 328 с.
12. Елизова, Т. К. Специфика научного концепта «ВРЕМЯ» в английском и русском языках [Текст] / Т.К. Елизарова // Филол. науки. Вопр. теории и практики, 2012. № 7 (18): в 2 ч. Ч. I. – С. 87-89.
13. Ефимова, Е.В. Семантическая универсалия «время» и способы ее репрезентации в языке [Текст] / Е. В. Ефимова // Молодой ученый, 2012. № 8. – С. 177-179.
14. Забродина, О.В. Восприятие пространства и времени: историко-культурный и аксиологический аспекты [Текст] / О.В. Забродина // Дис. канд. культурологических наук. – Красноярск, 2004. – 154 с.
15. Звездова, Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах [Текст] / Г.В. Звездова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 231 с.
16. Зворыгина, О.И. Время в русской литературной сказке [Текст] / О.И. Зворыгина // Русская речь, 2009. – № 3. – С. 65-71.
17. Иванова, Т. Концепт «Время» и языковые модели времени / Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2002. [Электронный ресурс] // Т. Иванова. – Режим доступа: <http://www.slavica.org/article140.html>
18. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н.Караулов. – М., 1987. – 264 с.

- 19.Катунин, Д.А. К вопросу об определении направления движения времени в русской языковой картине мира [Текст] / Д.А. Катунин // Вестник Томского гос. ун-та. Филология, 2007. – № 1. – С. 11–17.
- 20.Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
- 21.Колшанский, Г.В. Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.:, 1980. – 268 с.
- 22.Кошелев, А.Д. Об универсальных концептах «Время» и «Старый» (когнитивный подход) [Текст] / А.Д. Кошелев // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 66-76.
- 23.Красных, В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций [Текст] / В.Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- 24.Кронгауз, М.А. Структура времени и значение слов [Текст] / М.А. Кронгауз // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. – С. 45- 52.
- 25.Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман. М., 1970. – 349 с.
- 26.Лотман, Ю.М. Заметки о художественном пространстве [Текст] / Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. – Таллинн, 1992. – 401 с.
- 27.Лягушкина, Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: ВРЕМЯ и ДВИЖЕНИЕ [Текст]/ Н.В. Лягушкина // Филол. науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 1 (12). С. 104-108.
- 28.Маковский, М.М. Мифопоэтические этюды [Текст] / М.М. Маковский. – Вопросы языкознания. – 2007. - № 2. – С. 35-56.
- 29.Манаенко, Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста [Текст]/Г.Н. Манаенко //

- Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 3. – С. 22-32.
30. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. Заведений [Текст] / В.А. Маслова. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
31. Михеева, Л.Н. Языковое время как лингвокультурологическая категория [Текст] / Л.Н. Михеева // Русский язык за рубежом, 2003. – № 3. – С. 55-60.
32. Николина, Н.А. Филологический анализ текста [Текст] / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
33. Падучева, Е.В. К семантике слова время: метафора, метонимия, метафизика [Текст] / Е.В. Падучева // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. В. Иванова. – М.: Объединенное гуманитарное издательство, 1999. – С. 761-773.
34. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
35. Потаенко, Н.А. Языковая темпоральность: содержательные аспекты [Текст] / Н.А. Потаенко. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 214 с.
36. Румянцева, И.М. Психическая природа языка и речи [Текст] / И.М. Румянцева // Филологические науки, 2010. – № 5-6. – С. 3-15.
37. Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 984 с.
38. Салимова, Д.А., Данилова, Ю.Ю. Время и пространство как категории текста: Теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус): Монография [Текст] / Д.А. Салимова, Ю.Ю. Данилова. - М.: Флинта: Наука, 2009. – 200с.

- 39.Сергиева, Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании [Текст] / Н.С. Сергиева // автореф. дис. ... к-ра филол. наук. – М., 2009. – С. 39.
- 40.Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
- 41.Тарасова, Е.В. Время и темпоральность [Текст] / Е.В. Тарасова. – Харьков: Основа, 1992. – 187 с.
- 42.Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. — М., 1995. – 659 с.
- 43.Успенский, Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры [Текст] / Б.. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 608 с.
- 44.Хасанов, И.А. Время, природа, равномерность, измерение [Текст] / И.А. Хасанов. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 189 с.
- 45.Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы [Текст] / Т.В. Цивьян. – М.: КомКнига, 2016. – 315 с.
- 46.Черванева, В.А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров): Монография [Текст] / В.А.Черванева, Е.Б. Артеменко. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2004. – 184 с.
- 47.Чупрына, О.Г. Семасиологическое исследование темпоральной лексики в древнеанглийском языке [Текст]: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / О.Г. Чупрына. – М., 2015. – 341 с.
- 48.Шмелев, А.Д. «Русская ментальность» в зеркале лексических данных [Текст] / А.Д. Шмелев // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С.168-169.

49. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира [Текст] / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом, 1996. – № 1. – С. 47-56.
50. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 341 с.

II. Список использованных словарей:

1. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Текст] / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 685 с.
3. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь английского языка [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Диалог, 2000. – 418 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 9-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 2010. – 944 с.
5. Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар. [Текст] / под ред. М. Р. Львова. – М.: Русские словари, 2002. – 923 с.
6. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999. – 896 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с .
8. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. И.Т. Фролов – М.: Республика, 2001. – 719 с.
9. Частотный словарь русского языка. Около 40 000 слов [Текст] / под ред.

Л. Н. Засориной. – М.: «Русский язык», 1977. – 934 с.

III. Список источников:

1. Пушкин, А.С. Сочинения в 10 т. [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Изд-во художественной литературы, 1989.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Внеклассное мероприятие «Учимся писать и мыслить у Пушкина» (интеллектуальная игра)

Краткая аннотация. Разработка представляет собой внеурочное занятие, которое может проводиться в рамках декады гуманитарных наук. Школьникам заранее предлагается ознакомиться с материалом на данную тему и выполнить домашнее задание.

Учебный предмет: русский язык, литература.

Участники игры: учащиеся 8-11 классов

Область: русский язык, литература.

Форма учебной работы: интеллектуальная игра.

Технологические особенности. Для проведения игры необходимо следующее оборудование: компьютер, проектор для показа презентации, презентация, раздаточный материал.

Этапы работы над мероприятием.

1. Организационная работа (работа педагога, определение темы, постановка задач, разработка сценария).

2. Подготовительная работа: объявление темы, подготовка информации на стенд, репетиция творческого блока, задание по группам:
8 класс – подготовить выступление и презентацию на тему «Роковая дуэль»,
9 класс – подбор стихотворений на тему «Пушкин глазами современников»,
10 класс – представление фильма «Последняя дуэль».

Классы с 5-11 выполняют подборку стихов на тему «Пушкин глазами современников» и оформляют результат работы в виде страничек книги.

Цель игры: проанализировать творчество А.С. Пушкина с точки зрения реализации различных языковых инструментов и приемов.

Задачи игры:

- 1) Обобщить знания о биографии поэта и его творчестве, понять истоки его творчества;
- 2) Повторить и закрепить знания по теории русского языка на материале из произведений А.С. Пушкина;
- 3) Формировать учебные и культурные навыки работы с информацией;
- 4) Развивать творческие способности, коммуникативные навыки при работе в группе,
- 5) Воспитывать любовь к русской литературе, бережное отношении к ее наследию.

Ход игры

1.Вступление (презентация).

Ведущие:

- Дорогие друзья! Мы рады приветствовать Вас сегодня на нашем празднике.
- Тема нашего заседания в очередной раз посвящена А.С. Пушкина.
- Мы уже не раз говорили о значении Пушкина в становлении русского литературного языка:
- Почему же такое пристальное внимание к творчеству одного поэта?
- Да потому, что Пушкин настолько многогранен, велик..., что изучению его творчества можно посвятить всю жизнь и в конце сказать, что я так и не познал этого гения до конца.

Он – это чудное мгновенье,

Запечатлённое в веках.

Он – воплощенье вдохновенья,

И перед ним бессилён прах.

Пускай он стар для современья,

Но современье для него

Ничтожно: ведь его мгновенье

Прекрасней века моего!

(И. Северянин)

Пушкин до сих пор современен и интересен людям всех времен и возрастов? – на этот вопрос каждый для себя должен найти ответ и решить: «Современен ли Пушкин?»

2. Творческий отчет о проделанной работе.

В рамках декады гуманитарных наук вам было дано домашнее задание, одно из которых – создание страничек в нашу книгу на тему «Образ Пушкина глазами современников».

Вы поработали отлично и подготовили материал для создания собственного альманаха.

Группа 1: 8 февраля...Черная речка...Роковая дуэль...Дантес...Пушкин...Вспомним, как это было...

Группа 2: Столько лет прошло, но Пушкин, его поэзия, история его жизни по-прежнему волнуют читателей. Многие поэты посвящают ему свои стихи и признают его поэтом № 1 («Черная речка» Н. Рубцова, «Пушкину» С. Есенина, «Пушкин» И. Северянина)

Группа 3: Начало 20 века... Цветаева, Ахматова, Блок, Гумилев, Северянин пишут стихи о Пушкине.

- Прошло 100 лет. Начало 21 века... И опять в центре внимания Пушкин...история его дуэли (рассказ о фильме «Пушкин. Последняя дуэль»)

3. Интеллектуальная игра.

«Учимся писать и мыслить у Пушкина» – такова тема интеллектуальной игры, в ходе которой мы предлагаем вам проверить свои знания по теории практике современного русского литературного языка на примерах, взятых из произведений А.С. Пушкина.

Сегодня игра будет проходить в форме интеллектуальной дуэли двух команд. Напоминаем вам правила игры: вы выбираете цену вопроса и номер задания. Вы зарабатываете баллы только при условии полного правильного ответа. Игра заканчивается по звуковому сигналу через 40 минут. Побеждает та команда, которая заработает больше всего марок – баллов.

За ходом игры будет наблюдать и оценивать ход дуэли наше уважаемое жюри.

Проведение игры.

Пример задания: Вам знакомо понятие хронотопа. Категория времени приобретает значение эстетической и оценочной категории в авторском художественном дискурсе А.С. Пушкина.

Подробное исследование имен существительных с семантикой времени дает основание предполагать, что в прозаических произведениях А.С. Пушкин тяготеет к одной модели времени. Проанализируйте организацию темпоральности через лексические и синтаксические средства в одной из частей «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина».

Обратите внимание на то, что в текстах данного цикла встречается большое количество употреблений названий времен года: осень, зима, весна, лето. Также в этом цикле повестей можно обнаружить достаточно большое количество описаний природы, ее особенностей в различные времена года, вследствие чего мы находим частое употребление данной лексики.

Опираясь на текст одной из повестей, проанализируйте особенности описания природы с точки зрения темпоральности; укажите как природа и природные явления взаимодействуют с человеком в определенных обстоятельствах и в определенной временной последовательности.

4.Подведение итогов.

Игра завершена. Осталось подвести итоги.

Пока наше уважаемое жюри подводит итоги игры, мы просим участников команд выбрать самого активного игрока в команде.

Всех остальных мы просим подумать над вопросом, который мы задали в начале нашей игры: «Современен ли Пушкин?»

Слово жюри.

Слово командам.